

**Юрий Коваль**  
**БЕРЁЗОВЫЙ**  
**ПИРОЖОК**



ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1989







Юрий Коваль

# БЕРЁЗОВЫЙ ПИРОЖОК



Художник П. Багин



ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1989

SHAMAN57  
2016









## ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

**С**олнце повисело в осиновых ветках и пропало за лесом. Закат расплылся в небе.

Низко, в половину берёзы, над просекой пролетел большой ястреб. Он летел бесшумно, совсем не шевеля синими крыльями.

Я стоял на поляне, снега на которой почти не было. Только под высокими деревьями ещё холодели сугробы.

Дрозды-дерябы трещали и голосили на ёлках. Казалось, это еловые шишки трутся друг о друга зазубренными боками.

Я почувствовал странный запах, который шёл с земли. Из старой травы, из прелых листьев торчали какие-то короткие стебли. На них распустились небольшие сиреневые цветочки. Я хотел сорвать несколько, но стебли не поддавались, гнулись в руках и наконец лопнули, переломившись. Они оказались полыми — пустыми внутри.

От цветов пахло так приятно, что даже закружилась голова, но стебли их будто зашевелились в руке. Показалось, они живые и ядовитые.



Стало неприятно, и я отложил цветы на пенёк.

«Свис-с-с-с!..» — пронеслись над поляной чирки. Еле заметен в тёмном небе их серебряный след.

Сумрак поднялся с земли, стемнело, и тогда послышался хриплый и ласковый голос за берёзами:

«Хорх... хорх... хорх... хорх...»

Длинноклювая, с косыми крыльями птица вылетела из-за леса и пошла над поляной — «хорх... хорх...», — то ныряя вниз, то вскидываясь, как бабочка.

Вальдшнеп! Вальдшнеп тянет!..













Совсем стемнело, и я пошёл к дому.

Холодом тянуло по земле, хрустела под ногами корка льда, схватившая лужи.

На опушке в лицо вдруг повеяло теплом. Земля оттаяла, согрелась за день, теперь воздух греется об неё.

Я шёл полем и вспоминал цветы, оставленные на пеньке. Снова показалось, что стебли их шевелятся, шевелятся в руке.

Я не знал, как называются эти цветы.

Потом только узнал — волчье лыко.

## ФИОЛЕТОВАЯ ПТИЦА

Как-то в мае, когда снег уже потаял, я сидел на стуле, вынесенном из дому, и чистил ружьё.

Дядя Зуй сидел рядом на чурбаке и заворачивал махорочную самокрутку.

— Видишь ты, какие дела-то...— сказал он.— Куры у меня не ноские.

— Яиц не несут?

— Яйцо в неделю — разве ж это носкость?

Такого слова я вроде не слышал. Чудное — сразу в нём и «нос» и «кость».

Сквозь ружейные стволы я глянул в небо. В них вспыхнули и нанизались одно на другое светлые оранжевые кольца, где-то в конце стволов слились в голубой пяточок — кусок неба.

— Я уж тут новую несушку купил,— толковал дядя Зуй.— У Витьки Белова. У него все куры ноские.

Дочистив ружьё, я пошёл поглядеть на новую несушку.

Три курицы бродили у Зуюшки во дворе. Две-то были знакомые пеструшки, а третья — необыкновенного фиолетового цвета. Но вела она себя нормально, говорила «ко-ко-ко» и клевала намятую варёную картошку.

— Что это за масть у неё?





— Она белая,— сказал дядя Зуй.— Но, видишь ты, белые куры в каждом дворе, так я её чернилами приметил, чтоб не спутать.

— Гляди, станет она фиолетовые яйца носить.

Тут курица вдруг подошла ко мне и — хлоп! — клюнула в сапог.

— Пошла! — сказал я и махнул ногой.

Курица отскочила, но потом снова подбежала и — хлоп! — клюнула в сапог.

— Цыпа-цыпа,— сказал дядя Зуй,— ты что, холера, делаешь?

Тут я догадался, в чём дело. Сапоги были все облеплены весенней грязью. С утра я ходил на конюшню, а там кто-то просыпал овёс. Потом белил яблони, обкапал сапоги извёсткой. Каждый сапог превратился теперь в глиняный пирог с овсом и с извёсткой.

Фиолетовой несучке так понравились мои сапоги, что, когда я пошёл домой, она двинулась следом.

На крыльце я снял сапоги и отдал ей на растерзание.













Из окошка я видел, что она обклевала весь овёс и всю извёстку. Извёстка ей нужна, чтоб скорлупа у яиц была прочнее.

Обклевав сапоги, курица опрокинула банку с червями, накопанными для налимов, и принялась за них.

Тут я не выдержал, выскочил на крыльцо и схватил полено.

Взмахнув чернильными крыльями, она перелетела со страху весь двор и уселась на берёзе.

На другой день, возвращаясь с охоты, я увидел на дороге фиолетовую птицу. Издалека она узнала меня и подбежала, чтоб клюнуть в сапог.

Пока была на дорогах грязь, курица встречала и провожала меня. Но вот весна кончилась, грязь на дорогах подсохла. Как-то я шёл из леса и снова увидел на дороге свою знакомую.

А она-то даже и не поглядела на меня, пошла прочь.

«Что такое?» — подумал я.

Глянул на свои сапоги и увидел — нету сапог. Иду я по траве босиком — лето наступило.

## ПОДСНЕЖНИКИ

Кто прочитал название этого рассказа, тот, наверно, подумал, что сейчас весна, снег растаял и на проталинах — подснежники.

А сейчас не весна — сейчас поздняя осень. В окошко виден первый снег. Он закрыл землю, но крапива, ржавые репейники торчат из-под снега.

— Вон сколько навалило! — сказала утром Пантелевна. — Можно за дровами на санках съездить.

Она топила печку, а я ленился, лежал и глядел, как она ухватом ставит в печку чугуны. Пантелевна заглядывала в печку, и лицо её было огненным, как у машиниста, который топит паровоз.

Но только хоть и валит дым из трубы, паровоз наш никуда не едет, так и стоит на краю деревни.

Санки были на чердаке — старые, берёзовые. Я достал их, отряхнул сennую труху, и мы пошли в лес. Дрова были у нас недалеко, на опушке, напилены, нарублены и сложены под ёлками.

Смахнув с них снежную шапку, мы уложили поленья на санки, затащили верёвкой.

— Но-о, поехали!



Я тянул санки, а Пантелевна шла сзади — глядеть, не падают ли поленья.

Совсем немного выпало снегу, а всё сразу изменилось — и лес и деревья. Да и мы с Пантелевной стали совсем другими — зимними людьми. Вон Пантелевна идёт в резиновых сапогах, а кажется — в валенках; седые волосы из-под платка выбились — совсем зимняя старушка.

Ровно покрыл снег землю, изредка только поднимают его какие-то бугорки. Пеньки или кочки. Я ковырнул один бугорок сапогом — вот тебе на! Гриб! Моховик летний. Побурела зелёная шапка, лёгкий стал гриб и хрупкий. Я хотел отломить кусочек шляпки — она хрустнула. Замёрз моховик под снегом, как стеклянный стал, и червяки в нём замёрзли.

Я увидел ещё бугорок, и это тоже оказался моховик, не червивый. Затоптался на месте, стал ещё грибы искать.

— Катись дальше, батюшка! — крикнула сзади Пантелевна.

— Грибы! — крикнул я и, бросив санную верёвку, пошёл к опушке и сразу наткнулся на выводок подснежных маслят. Они почернели, застыв.

— Брось ты эти грибы, — сказала Пантелевна, поглядев на маслята. — Они, верно, нехорошие.

— Почему нехорошие? Они просто замёрзли.

Но Пантелевна всё время, пока мы везли дрова, толковала, что грибы нехорошие, что, мол, хорошие грибы должны к зиме













в землю уйти или в листочки спрятаться, а эти чего стоят? Но когда мы подъехали к дому, настроение у неё переменилось — она стала эти грибы жалеть: какие, мол, они несчастные, не успели в землю спрятаться — сверху снег, и они совсем позамерзли.

Дома я выложил грибы на подоконник, чтоб оттаивали. Там было прохладно, поэтому оттаивали они медленно, постепенно. Оттаивая, они, кажется, оживали — поскрипывали, вздрагивали, шевелились.

— Положим их в суп, — сказал я.

— Да что ты, батюшка! — напугалась она. — Давай бросим их.

Но мне обязательно хотелось попробовать суп из зимних грибов, и я уговорил Пантелевну.





Когда варился суп, зашла к нам Мирониха. Она понюхала, чем пахнет, и говорит:

— Чем это пахнет? Неуж грибами?

— Грибами, грибами, матушка Мирониха. Грибов из-под снега наковыряли.

— Ну-ну-ну!..— удивилась Мирониха.— Бу-бу-бу... Не стану я таку страмоту есть.

А ей никто и не предлагал.

Суп приготовился, и Пантелевна разлила по мискам. Пантелевна немного вроде боялась его пробовать, а потом вошла во вкус. А мне суп очень понравился. Хороший получился; конечно, не такой, как летом, но настоящий грибной.

— Не стану я таку страмоту есть,— бубнила Мирониха, а потом вдруг цоп со стола ложку и в миску нырь.

— Ну-ну-ну... Бу-бу-бу...— бубнила она, налегая на суп.— Страмота-то какая!

Мы помалкивали. Под конец только Пантелевна сказала:

— Добрые люди подосиновики да подберёзовики, а мы подснежники варим.

## БЕРЕЗОВЫЙ ПИРОЖОК

Братья Моховы с Нюркой пошли в лес по ягоды, а я так пошёл, сам по себе.

И хоть шёл я сам по себе, а они по ягоды— всё равно мы всё время оказывались рядом. Я иду, а сбоку то Нюрка выгляет, то какой-нибудь брат Мохов.

Заверну в сторону, чтоб побыть в тишине, а уж из кустов другой брат Мохов вылезает.

Эти братья особенно надоедали— бидонами дрались, валуями кидались или вдруг начинали кричать:

— Надо свинку подколоть! Надо свинку подколоть!

Нюрка была потише, но как дело до свинки доходило, тоже кричала изо всех сил:

— Надо свинку подколоть! Надо свинку подколоть!

— Эй! — крикнул я.— Кого вы там подкалываете?

— Свинку! — хором отозвались братья Моховы.

— Какую ещё свинку? Тащите её сюда!

Братья Моховы и Нюрка выскочили из кустов с бидонами в руках, никакой свинки видно не было.

— А свинка где? — строго спросил я.











— Вот, — сказала Нюрка и протянула мне травинку, на которую нанизаны были земляничины.

— Земляника, — сказал я.

— Земляника, — согласилась Нюрка. — Но только — свинка.

Я пригляделся и увидел, что ягоды, нанизанные на стебель, были особенно крупные, особенно спелые, чёрные от густой красноты. Снял ягоды со стебля, положил в рот и понял, что вкус у неё особенный. У простой земляники — солнечный вкус, а тут — лесной, болотный, сумрачный.

Долго, видно, зрела эта ягода, набиралась солнца и сока, сделалась лучшей из земляничин.

Я нашёл подходящую травинку, выдернул из неё стебель и вместе с ребятами стал собирать ягоды и покрикивать:

— Надо свинку подколоть! Надо свинку подколоть!

Скоро травинка моя стала тяжёлой от нанизанных на неё земляничин. Приятно было нести её, помахивать ею, разглядывать.

К обеду бидоны у ребят были полны, и я подколол свинки травинки пять. Присели отдохнуть. Тут бы и перекусить, а никто из нас не взял в лес ни сухаря, ни лепёшки.

— Надо свинку рубануть! — кричали братья Моховы.

— Что собрали — домой понесём, — сказала Нюрка. — Походите, я сейчас пирожков напеку.

Она сорвала с берёзовой ветки листок, завернула в него пяток земляничин и первому, как старшему, протянула мне.

— Что это? — спросил я.

— Берёзовый пирожок. Ешь.

Очень вкусным оказался берёзовый пирожок. Земляникой от него пахло и солнцем, лесным летом, глухим лесом.





## ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

Всё лето провалялся в чулане ящик с красками, паутиной оброс.

Но когда наступила осень — вспыхнула по опушкам рябина и налился медью кленовый лист, — я этот ящик достал, закинул на плечо и побежал в лес.

На опушке остановился, глянул вокруг — и горячими показались гроздья рябин. Красный цвет бил в глаза. А дрозды, перелетавшие в рябинах, тоже казались тяжёлыми, красными.

Так я и стал рисовать: рябины — и в них перелетают красные тяжёлые дрозды.

Но рисунок не заладился. Горел-полыхал осенний лес, багряные круги плыли перед глазами. Так было красно, будто вы-













ступила из земли кровь. А на рисунке всё оставалось бледным и сумрачным.

— Ты что это? — услышал я за спиной. — Никак, сымаешь?

Оглянулся: дядя Зуй идёт опушкой, в руках ведро с опятами.

— Снимают, Зуюшко, из фотоаппарата. А я рисую.

— Какой молодец-то! — сказал дядя Зуй. — Ну сымай, сымай!



Ушёл дядя Зуй, а я дальше стал рисовать, но бледным и робким выходил мой рисунок. А вокруг рябины и дрозды полыхали!

«Нет, — думаю, — рисовать не моё дело. Возьму лучше завтра ружьё — и...»

«Ррружжжъё-о-о!...» — крикнул вдруг кто-то у меня над головой.

Я прямо оторопел. Гляжу — на рябине птица сидит. Хохлатая, грудь оранжевая, на крыльях голубые зеркала. Сойка! Распушила перья, кричит:

«Ррружжжъё-о-о! Ррружжжъё-о-о! Т-р-р...»

Поглядел я, как сойка на рябине сидит, на осенний лес как следует глянул и совсем расстроился.

Захлопнул ящик с красками, поднял с земли кленовый лист и сгоряча налепил его на рисунок.

— Ну ладно! Пойду завтра зайцев торопить.

Осень быстро кончилась. Ветер пообрывал с деревьев листья, снег выпал.

Зимним вечером пришёл ко мне дядя Зуй чаю попить.

— Ну и ну... — сказал он, показывая на рисунок, прислонённый к стенке. — Листок-то прямо как живой.

— Он и есть живой — настоящий.

— Ловко, — сказал дядя Зуй. — Последний, значит, от осени остался. А это что?

— А это дрозды, Зуюшко. Красные, тяжёлые.



— Верно,— сказал дядя Зуй.— Тяжёлые-то какие! Рябины, наверно, нажрались.

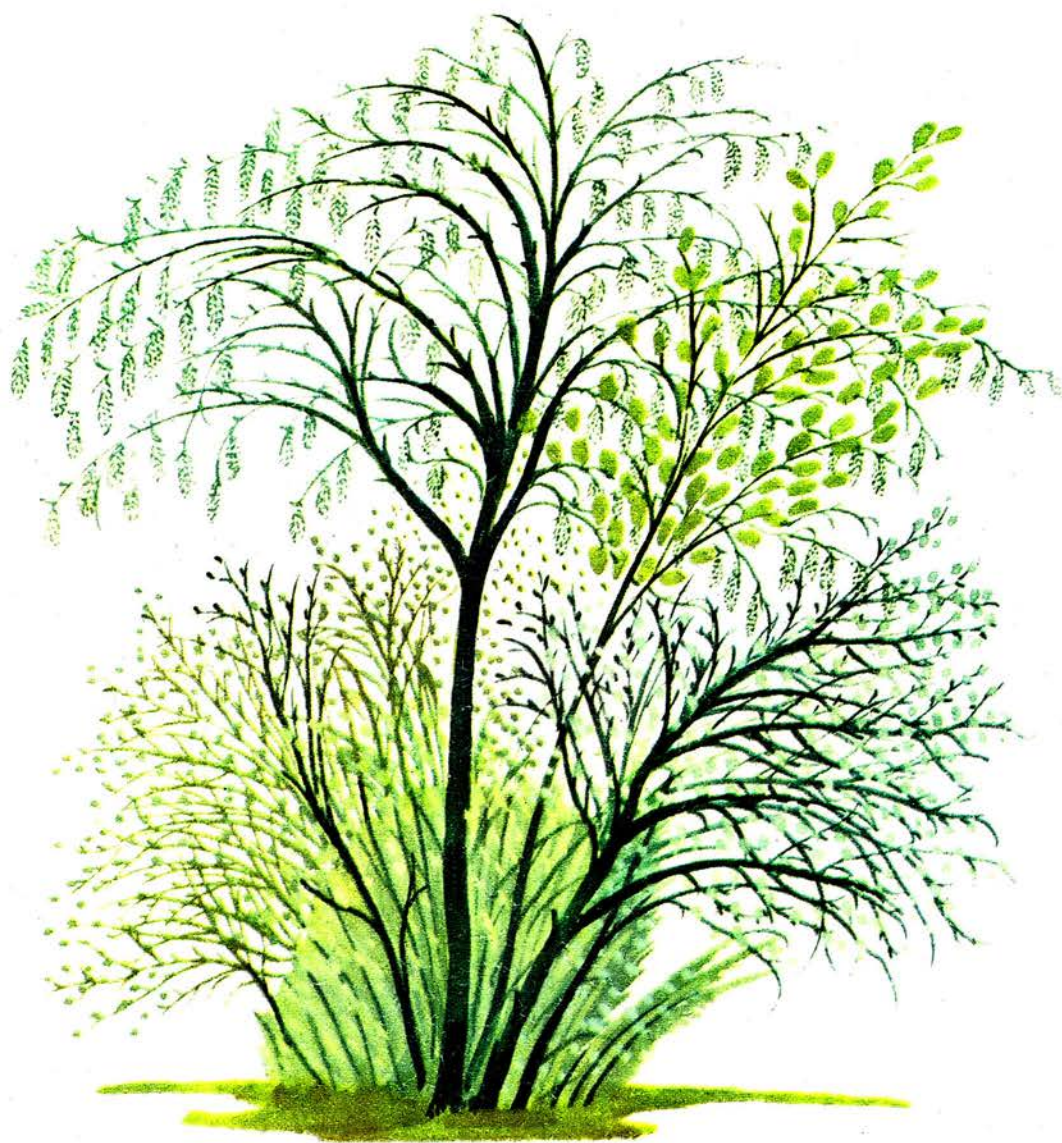
Выпил дядя Зуй стакан чаю, другой налил и снова на рисунок посмотрел.

— Да,— сказал он,— самый лучший лес — осенний.

— Верно,— сказал я.— Что может быть лучше?

— Ещё бы! Идёшь, а под ногами листья шуршат. Что же может быть лучше?

«Ну что же может быть лучше? — думал я.— Что может быть лучше осеннего леса? Разве только весенний...»











Для дошкольного возраста  
**Юрий Иосифович Коваль**  
**БЕРЕЗОВЫЙ ПИРОЖОК**  
*Художник П. Багин*

Редактор Г. Гладкова. Художественный редактор Н. Молоканова.  
Технический редактор М. Копылова. Корректор Н. Пьянкова.

ИБ № 2473

Сдано в набор 19.08.88. Подписано в печать 01.03.89. 60×90/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура школьн.  
Печать офсет. Усл. печ. л. 3,0. Усл. кр.-отт. 14,0. Уч.-изд. л. 3,63. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1739.  
Заказ № 2428. Цена 35 коп. Издательство «Малыш». 121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский  
ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Гос-  
комиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

К 4803010201—113 51—89  
М101(03)—89



© Издательство «Малыш» 1989

SHAMAN57  
2016